

Семиозис политического действия

Л. П. Киященко¹, А. В. Голофаст²

¹ Институт философии РАН,
Российская Федерация, 109004, Москва, ул. Гончарная, 12

² Академия труда и социальных отношений,
Российская Федерация, 119454, Москва, ул. Лобачевского, 90

Для цитирования: Киященко Л. П., Голофаст А. В. Семиозис политического действия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39. Вып. 3. С. 531–543. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.310>

Аристотель, называя человека «по природе своей существом политическим», предопределил актуальную возможность сегодня рассмотреть политику через призму политического действия, через конкретные способы справедливого обустройства общественной жизни. Человек «вброшен» в цифровое существование, где встает амбивалентная задача осознать свое уязвимое положение, подвергая себя риску, одновременно занимаясь навигацией в неопределенном пространстве динамично развивающегося сообщества. Современная территория политики осваивается актантами с помощью обновленного арсенала средств, учитывая смысл дизайна (de+signare), знаки которого обретают множественную мультипликацию представлений о сложноорганизованной целостности ее образа. Интеграционные связи семиозиса «прошивают» гетеротопию обновленной территории политического действия, проставляя хронологические рамки того или иного события в знаковом выражении (индекс, символ, код, цифра), для сопоставления, сравнения и дополнения возможных трансформационных семиотических смещений и смешений, тем самым создавая правдоподобный и узнаваемый семиотический образ текущего положения дел в обществе. Семиотическое представление подчеркивает знаковый, символический характер политического действия как политического события, реализуемого его субъектом в процессе нормогенеза и закрепляемого в прагматике повседневной активности. Таким образом, на уровне рефлексивного анализа условная расчлененность политического действия на синтактику, семантику, прагматику восстанавливает синхронизацию в процессе семиозиса, что является результатом сотворчества субъекта и структуры. Это позволяет добавить традиционное для трансдисциплинарного методологического синтеза «включенное третье» в классическую для науки о политике дихотомию агент-структура, выполняющее функцию целевой причины для создания образа целостности политического действия. Необходимо отметить, что «включенное третье» как целевая причина не гарантирует однозначности исхода становления указанного действия, а лишь настраивает оптику отслеживания его возможных конфигураций с учетом и контекстуальный, средовой обусловленности.

Ключевые слова: прокреация, репликация, репродукция, семиозис, включенное третье, политическое действие, трансдисциплинарность, цифровизация.

Введение

Прежде чем раскрыть выбранные нами атрибутивные характеристики современного политического действия — цифровизации и семиозиса, — наметим контур человеческой деятельности в сфере политики. Удержим внимание на множественном характере проблематизации, составляющей суть политического действия как важной, но не единственной из составляющих человеческой деятельности в целом. Последняя предопределяет трансдисциплинарный проблемокомплекс, требуя методологического синтеза для своих решений в распределении и перераспределении властных отношений через управление и контроль в политическом действии. Подчеркнем процессуальный характер политического действия, который разворачивается в коммуникативных взаимодействиях между носителями политического в обществе. Следующим шагом в рельефе политической деятельности проступает системный характер, разворачивающийся между эндогенной и экзогенной конституирующими его средами. «Реципрокное» взаимодействие последних обуславливает множественность возможностей политического действия, как, например, его адаптационное изменение/развитие, так и предпосылки революционного разрыва существующей процессуальности и становления нового образа политического, претворенного в деятельности, поступках его носителей.

Традиционным доминирующим конфигуратором политического действия называют целевую причину ситуационного распределения властных отношений, которая, следуя неотменяемому характеру публичности политики, может как иметь латентный характер, частично схватываемый «устройствами записи» [1, с. 186], т. е. языком описательного порядка, так и принимать перформативные формы внешней выраженности в поступках и действиях, создающих события общественной жизни, переводящие язык в речь, а семиотику — в семиозис. Семиозис в применении к политическому действию понимается как процесс, дополняющий семиотику, это состояние становления/трансформации существующих форм политического, где со-стояние — стояние вместе со становлением, сочетание теоретического/гипотетического с эмпирическим/практическим. Семиозис как процесс может быть представлен в виде модели сквозного действия по типу «включенного третьего» — интерпретанта между комплементарно-дополнительными дихотомиями в человеческой деятельности, между знаком и объектом.

Когда мы говорим о семиозисе цифры, мы предполагаем, что цифра выполняет знаковую функцию процессуально, закрепляя конвенционально установленный код. В чем разница традиционного понимания знака по сравнению с цифровизацией, которая несет свой язык и свой алфавит(код)? Язык априори со стороны своей грамматики не может придумать ничего нового. Новизна возникает из соотношения самоочевидной архаики предустановленного понимания и состоявшегося отношения человека с предшествующей картиной мира, с тем, что сопротивляется ранее установленному, сталкивается, требуя к присутствию новых форм выражения и решения. Цифра стала посредником между человеком и миром ввиду пространственно-временного сжатия его восприятия, не оставляя достаточно времени для понимания и углубленной рефлексии. В связи с происходящими трансформациями в познании и преобразованиями окружающего мира сквозным образом возникает вопрос выражения в словах одних и тех же феноменов, которые свое-

образно описываются разными дисциплинами. Речь идет о необходимости договоренностей между дисциплинами о создании словаря для описания проблем «прото-», первоначал. Исследования «прото-» становятся знаковыми для настоящего времени в разных дисциплинах и в междисциплинарном пространстве, выходя на уровень трансдисциплинарного обобщения, сохраняя специфику структур входящих знаний.

Цифра ассимилирует языковую и речевую недоговоренность и начинает предлагать свои конструкты, к которым возникло доверие в способности оперативного решения. За счет своей проникаемости через любые дисциплинарные границы цифра облегчает и интенсифицирует те процессы, которые существуют в обществе как среде недоопределенности. Накопление нерешенных проблем в управленческих доменах, за счет цифровизации происходит быстрее, что приводит к необходимости перестройки управленческой архитектуры. За каждой цифрой стоит возможность множественных интерпретаций. Если смысловое семантическое обозначение закреплено и приносит результаты, ситуация оправдывает себя, но иногда происходят сбои и получается, что подвижка интерпретации должна быть заложена в цифре. Цифра не должна быть жестким, доминирующим фактором, переопределяющим все происходящее, но при этом неспособным на самостоятельное изменение. Контролирующая инстанция в этой подвешенной неопределенной ситуации цифровизации может быть вменена такой интегрирующей инстанции, как семиозис современного политического действия, в котором может быть замечена новая риторика, метапозиция самого процесса цифровизации. Цифра дает возможность предъявить определенную шкалу при всей условности ее обозначения и зависимости от контекста, как ограничивающего, так и способствующего изменению и развитию политического действия во благо общественного обустройства.

Тройственность семиозиса в оптике трансдисциплинарности

Существуют два основных толкования семиотики, закрепленных в ее истории. Одно восходит к соссюровской лингвистике, для которого существенны прежде всего постулат о произвольности знака и отношение взаимной пресуппозиции, в силу которого связь означающего с означаемым не обусловлена напрямую собственными свойствами этих компонентов знака. Семиозис понимается как процедура порождения смысла знака и оформления за счет этого целостности самой системы через взаимообмен между ее частями. Семиозис в таком толковании ориентирован на «внутреннее употребление», конкретное применение по конкретному случаю, что связано с функциональной возможностью человеческой деятельности, способности к рефлексии (объектно-ориентированной) и саморефлексии (субъектно-ориентированной), выразимости смысла в слове/знаке. Второй подход толкования семиозиса восходит к Пирсу и тяготеет к порождению значения знака в коллективном действии (классический и неклассические формы этоса), установлению в решениях контингентного согласия, ориентированного на внешнее исполнение действия. В случае трансдисциплинарного подхода к семиозису политического действия оба аналитически расчлененных классических толкования в реальной ситуации могут по выбору политического субъекта использоваться попеременно или совмещаться по произволу, исходя из ситуации и его целеполаганий.

Традиционное толкование семиозиса в случае трансдисциплинарного подхода через синтаксис, семантику и прагматику приобретает иные конфигурации, исходя из следующих методологических предпосылок:

1. Трансдисциплинарная оптика семиозиса позволяет ему стать объединяющим звеном между философией политики и ее прикладными аспектами. Трансдисциплинарность носит эмерджентный характер и выдвигает собственные условия методологического синтеза при формировании тезауруса исследования, в пространстве которого оперируют субъекты действия.

2. Семиотическое представление подчеркивает знаковый, символический характер политического действия как события, реализуемого субъектом в процессе нормогенеза и закрепляемого в прагматике повседневной активности, что приводит к сотворчеству субъекта и структуры на уровне рефлексивного анализа. Это позволяет добавить традиционное для трансдисциплинарного методологического подхода «включенное третье» в классическую для науки о политике дихотомию агент — структура, звено «между», порождающее смысл указанного соотношения.

3. Семиотическое измерение политического предполагает витальность нечеловеческого, т. е. материального [2], вещи, что приводит к усложнению объекта исследования с учетом его живой сущности. Человеческое и вещное рассматриваются в непрерывной смычке, что расширяет предметное поле семиотики в отношении к феноменологии политического действия.

4. Традиционные методы политического нуждаются в обновлении при встрече со сложностно организованными общественными явлениями, не редуцируемыми к простому. Возникает проблема генезиса и инсталляции нового формата методологических средств. Ориентация на фактуальное, «материальное», эмпирически обновляемого нашло свое отражение в том, что «в последние два десятилетия приобрели значимость методы анализа визуального материала, перформативные подходы и понимание методов как поэтики или интервенционистского нарратива» [3, р. 15].

Попытка построения типологии политического действия, выраженного как циркуляция взаимодействия языка и переходящего в речь дискурсивных практик и обратно, может быть построена по принципу триангуляции — шаг к представлению политического действия как сложностного явления. Триангуляция аналитически может быть представлена как логос (аргументация, абстрагирование через мыслительную деятельность), патос (пафос, интенциональное, личностно-эмоциональное), этос (личностное, коллективное ценностно окрашенное поведение, согласование, достижение контингенции), которые находятся в комплементарном соотношении. Это наиболее сложный вид триангуляции [4].

Триангуляция создает пространство для политического творчества, которое заменяет абстрактные схемы в представлении об общем благе и перспективах развития общества и его членов и формирует образ будущего как синтез, претендующий на его целостное представление поверх произвольного множества социальных ценностей и индивидуальных предпочтений. Американский социолог Н. Дензин выделял четыре формы триангуляции: 1) триангуляцию данных, когда в рамках одного исследовательского проекта используются различные типы данных; 2) триангуляцию исследователей, когда в проекте принимают участие несколько исследователей; 3) теоретическую триангуляцию — использование с целью интерпретации

данных нескольких подходов; 4) методологическую триангуляцию — использование при изучении какого-либо вопроса множества методов [5].

Триангуляция напоминает понятие «тройной спирали». В 2000 г. Р. Левонтин, один из современных выдающихся генетиков и эволюционных биологов, использовал модель тройной спирали жизни (ген, организм, окружающая среда) применительно к биологическому знанию [6]. Эта модель давала возможность представить как предмет научного познания сложность жизни, наблюдаемые феномены которой являются результатами взаимодействия трех активных начал: активности генома, животного организма и средовых факторов. Концепция трансинституциональных взаимодействий, можно сказать, строится на предшествующей ей разработке идеи трансдисциплинарности [7; 8].

В 1998 г. математик Б. Николеску предложил рассмотреть проблему мышления о сложном, используя трансдисциплинарные представления, весьма близкие к гипотезе тройной спирали. Реальность для него предстает как постоянно усложняющийся слоистый неиерархический универсум. Промежуток «между» слоями играет парадоксальную роль рационального, но не формализуемого посредника, который исполняет функции «включенного третьего». Три аксиомы как еще одна тройная спираль фундируют трансдисциплинарные идеи Б. Николеску: а) существуют различные уровни Объекта и соответственно Субъекта познания; б) переход с одного уровня на другой обеспечивается логикой включенного третьего; в) структура тотальности уровней Реальности выражается как комплексная структура уровней наших знаний природы, общества и индивидов [9]. Образом тройной спирали может быть представлен теоретический подход, выражающий форму самоорганизации и сотрудничества эволюционной теории. Ключевые предпосылки этой теории: в определенных условиях институциональные и когнитивные структуры становятся не адаптированными к текущей ситуации и неустойчивыми; коэволюция структур порождает исторически новую институциональную и/или когнитивную структуру; время является основополагающей размерностью в этом динамическом процессе; коэволюция временно решает проблемы несоответствия в сложности более ранних систем; со временем новые слои сложности сопровождаются новыми несоответствиями (институциональными и/или когнитивными), что порождает дальнейшие циклы коэволюции [10].

Политическое действие является встроенным третьим в тройственности: намерения — действия — обратная связь (результат). Намерение формируется соотношением между имеющимися ресурсами и комплексом тонких нюансов сонстройки со средой, которая требуется закрытым субъектам для выживания и открытым субъектам для саморазвития. Результативность политического действия вовне зависит от способности субъекта к формированию диссипативных связей со средой — связей, основанных на ресурсном обмене информацией. Сила намерения обеспечивается тем, что каждый субъект выбирает для себя только те «вопросы», на которые он способен найти «ответы». Однако такая возможность не гарантирована ситуацией, и приходится идти «на ощупь», опытным путем, перебирая возможности уточнить решающий ответ. Политическое действие, таким образом, является плодом ориентирования субъекта в пространстве политического, оно подразумевает соотнесение желаний с ограничениями степеней свободы действия, налагаемыми средой. Встреча с препятствиями укрепляет политического субъекта

в определении самости или приводит к деконструкции смыслового ядра субъектности, если оно не соотносится с проблемокомплексом, предлагаемым к разрешению средой.

Помимо целевой направленности, политическое действие направлено на конкретную аудиторию, которая испытывает на себе воздействие и нарратива, и перформатива междисциплинарного дискурса. Обратная связь со стороны целевой аудитории (инстанции подотчетности) приводит к закреплению или пересмотру мотивации политического действия, замыкая цикл кибернетики политического действия принятием итогового решения. Тройственность политического действия проявляется в тандеме вариаций политического действия «лояльность — голос — выход» [11, р. 13–14] становящегося политического субъекта, где лояльность означает следование параметрам порядка субъекта-гегемона, голос обозначает наличие возможностей по артикуляции недовольства этими параметрами, а выход ранжируется от «внутренней миграции» до территориальной сецессии. Все это можно трактовать как становление субъекта политического действия, учитывая его способность преодолевать разрывы и конфликты с помощью диалектической логики воображаемого между возможными оппозициями политического.

Анатомия становящегося политического субъекта

Политическая субъектность относится к практикам, с помощью которых воспроизводится или ставится под сомнение институциональное обрамление общественной жизни. Первичная модель прагматической субъектности предполагает, что субъект — инстанция, которая преследует свою цель и устанавливает отношения между идеями [12]. Следующим шагом политическая субъектность фокусируется на способности усиливать или подавлять мощь движения и изменения в индивидуальной и коллективной жизни [13]. Выступая, таким образом, посредником между политическим и дополитическим, такого рода деятельность обеспечивает совместное существование в мире плюральности и различий [14]. Политическое действие в этом случае переформатируется в практики по конструированию и защите идентичности. Делез и Гваттари определяют субъекта как добавочное скручивание в поле желаемого производства, совершая саморефлективный поворот. Для Делеза и Гваттари такая инверсия подразумевает преимущественное движение от мира к самости. Субъект не столько действует вовне, сколько вызывается к воссозданию, или прокреации, себя в способах самоидентичности.

Идентичность индивидуального субъекта частично определяется признанием, отсутствием признания или искаженным признанием со стороны других. Индивид может потерпеть ущерб, если окружающие зеркально возвращают ему негативную версию себя. Непризнание или ложное признание становится формой порабощения посредством помещения субъекта в режим преуменьшенного значения своего существования. В этом смысле признание не роскошь, а потребность, конституирующая субъекта в его становлении, сопрягающая внутренние и внешние мотивации. Проблемы субъектности человека корнями уходят в споры эпохи Просвещения о том, что является настоящим обоснованием свободы индивида — инструментальная рациональность или нормативно обоснованная деятельность. Инструментальная концепция действия органически связана с философией инди-

видуализма раннего Просвещения, которая описывает индивидуального субъекта как «свободного агента», обладающего необходимыми предпосылками, чтобы сделать рациональный выбор в способах претворения поставленной цели.

Толкотт Парсонс в ранней теории действия осуществил попытку синхронизировать утилитарное и иррациональное измерение действия. В работе «Структура социального действия» в качестве объяснительной он включает категорию усилия. Джеймс Коулман и Джеффри Александер были следующими, кто осуществлял попытки развивать это направление. Коулман в работе “Foundations of Social Theory” говорит, что убеждения, связанные с рациональным выбором, могут служить основаниями для нормативной теории, основанной на социальном влиянии. Александер в своей работе “Action and its Environments” предлагает два измерения для анализа действия — интерпретацию и стратегирование, сопрягая внутреннее и внешнее в коммуникативном взаимодействии.

Джордж Герберт Мид полагал, что субъектность возникает на стыке времен: по мере того, как субъекты отвечают на изменения в среде, им приходится с постоянством трансформировать свое видение прошлого в попытке осознать, каким образом оно каузально обуславливает становящееся настоящее. Это понимание используется, чтобы контролировать и тонко настраивать реакции на грядущее [15]. Человек, несмотря на свою конечность, может трансформировать и определять то, что определяет его [16, с. 21]. Культивация самооценности человека может стать априорной установочной позицией, постулирующей отвагу, сострадание и связанность с другими людьми [17, р. 10]. Тем самым, творя дизайн себя с помощью логики политического воображаемого, он становится эстетическим агентом действия, субъект ин-формируется внешним миром, порождая форму субъектности на стыке своего и иного [18].

Я.Э.Голосовкер отмечает сходство между двумя логиками — логикой чудесного в мифе и логикой науки о микромире. Он дает этому сходству различного единое название — диалектическая логика воображаемого. В основе последней лежит *error fundamentalis* — «основоположное заблуждение», т.е. ложное основание, но для логики воображаемого такое ложное основание является не заблуждением, а ее специфической истиной [19, с. 72–73]. Формируются особый язык с постоянно расширяющимся словарем, эффективные в условиях трансдисциплинарных коммуникаций понятийно-метафорические дискурсивные практики, захватывающие необозримую область воображаемого, без которого не обходится ни одна человеческая деятельность, включая политическую.

Идеи, укорененные в воображении, и рациональные идеи одинаковы по своей природе. Гипотеза о том, что воображение рационально, принадлежит Руфь Берне и основана на трех суждениях: человек эволюцией предрасположен мыслить рационально; в результате размышлений появляется спектр истинных и ложных предположений; плоды воображения и рациональные идеи — равноценные свидетельства, что когнитивная энергия направлена на гармонию сосуществования со средой [20].

Рациональное творчество начинается с принятия обязательства. Но пока обязательство не принято, сложно с достоверностью определить, что оно подразумевает. Начав ему следовать, сознание подвергает его динамической ревизии через обретение, утрату и повторное обретение опор, позволяющих превращать потен-

циальную энергию в кинетическую. По мере информационного насыщения возникает момент рефлексии, показывающий, что пустое пространство выполняет автономную функцию, подобно паузам в музыке. Эти паузы, молчание в речи, разрывы в повествовании, риторика перформативного действия создают условия для действия воображаемого.

Воображение, как эмпирическое (эмоционально-чувствующее), так и умозрительное, обеспечивающее целостность предлагаемого объяснения и его понимание, используется как продуктивная способность познавательной деятельности к целерациональности — во-первых, для восполнения и заживления «разрывов», которые оставляют между собой обосновывающие процедуры чистого умозрения и логика априорных рассуждений. Во-вторых, продуктивное воображение производит обновление существующих объяснений, инновационные подвижки объяснений, существующих на репродуктивной способности воображения, воспроизводящей объяснение на общепринятых основаниях [21; 22]. Как продуктивное, так и репродуктивное воображение «основывается не на понятиях, а на изображении, способность же изображения и есть воображение» [23, с. 236] с той лишь разницей, что репродуктивному воображению, по мысли И. Канта подчиняющемуся законам ассоциации, свойственно эмпирическое применение этой способности. А продуктивное и самодеятельное воображение (как создатель произвольных форм возможных созерцаний) очень сильно в созидании феноменов из материала, который ему дает действительная природа [23].

Последователи традиции Жана Пиаже считают, что развитие творческой мысли требует удержания дистанции к объекту. Однако исследования «поточковых состояний», где творческая продуктивность максимальна при минимуме расхода энергии, предполагают, что интегральность возникает посредством примирения дисциплины — с живостью, последовательности — со спонтанностью, когда творческий поиск становится одушевленным. Человек в своей деятельности постоянно замечает себя на развилке. «С одной стороны, это человек, стремящийся к добросовестному исполнению роли, в репликах которой полностью исчезают следы его личной субъективности (ученый говорит от имени Разума), с другой стороны, он же — суверенный индивид, личность с интеллектуальной и моральной рефлексией, несущей ту ответственность, каковую нельзя переложить на Разум. Ипостаси эти неслиянны и нераздельны» [24, с. 169].

Семиозис политического действия

В зависимости от выбранной стратегии толкования семиозиса политического действия можно ожидать одно-/многоуровневое строение конкретной семиотики. Семиотика как метанаука, возникшая из синтеза отдельных дисциплинарных исследований знаков, сейчас занимает в системе наук трансдисциплинарное положение. Семиотика не имеет собственных четких границ и выходит на территории других наук; ее место в исследовательском пространстве — всегда «между», всегда на «пересечениях». Семиотика выступает как способ рассмотрения любого объекта таким образом, будто он построен и функционирует подобно тексту. Это «подобие» и есть суть метода. Все может быть описано как знаковая система или ее реализация, т. е. текст. Здесь семиотика выступает как обозначение оперативной

техники, применяемой для анализа знаковых систем и отдельных культурных феноменов [25].

Семиозис в знаках прочерчивает контуры подвижных границ разнородного взаимодействия. Момент пространственности, как и временное измерение, органично присущи политической деятельности в специфике их обозначений. География и пространство через призму политической деятельности имеют аспект условного картографирования. Речь идет о демаркации границ, где границы смысловые, границы политические и географические могут не совпадать по времени. Попытка прописать границы свидетельствует о подвижности шкалирования, возникающих смыслов. Практическое — это языковая среда, семиозис — процесс порождения смыслов в этой среде. Ведущим в гетеротопном осмыслении мира оказывается нарушение, разрушение видимого, конвенционального с позиции социальных отношений порядка. В этой ситуации предопределяющим является внутренне изначально провокационная природа гетеротопии, подталкивающая к преодолению привычного для европоцентричного культурного сознания бинарного архетипа политического. Речь идет о воспитании умения мыслить более сложно.

Субъект «вброшен» в пространство правил или параметров порядка, поэтому любое его действие закрепляет или нарушает существующие правила размещения в пространстве и времени. Нарушение правил рассматривается как девиация на структурном уровне и подавляется, если это закрытая система, стремящаяся преимущественно к самосохранению. Однако если это открытая система, информация о «политическом событии» нарушения правил распространяется и создает прецедент нового типа поведения, который затем реплицируется, воспроизводится с обновленными особенностями и становится основой для саморазвития на структурном уровне. Поэтому политическое действие, можно сказать, содержит в себе имманентный прокреативный потенциал обновления. Возможно ли говорить о прокреативном потенциале политического бездействия, ассоциирующегося с неподвижностью и рудиментарностью? Из биологии известно, что при опасности клетка замирает и не занимается воспроизводством, сконцентрировавшись на регенерации при возможных повреждениях. Эта закономерность работает и применительно к человекомерным образованиям: политическое бездействие может сберегать ресурс, если происходит инерционное движение по созидательной тропе зависимости до следующей критической развилки, принуждающей к выбору иного модуса политического действия. В обыкновенной манере «медленного», стратегического мышления, как и «быстрого», тактического [26], разум человека разворачивается в проблемно-ориентированном пространстве политического в поиске выбора между аналитической и/или синтетической моделями поведения, выстраивая реакции субъекта действия по модели стимул — ответ в конкретной ситуационной динамике. Такой *modus operandi* способствует «разъякориванию» свободного разума, позволяющему конструировать потенциальные ситуации и осуществлять разумный выбор «тропы зависимости» политического действия на возникающих в ходе трансформаций среды критических развилках. Политическое действие органически связано с принятием обязательства относительно поведения политического субъекта в будущем, на основе чего другие субъекты классифицируют данного субъекта по степени его соответствия ожидаемым траекториям поведения — по шкале от надежного субъекта до постоянно нарушающего ожидания относительно

своего поведения [27]. Ожидания аналитически связаны с понятием риска, означаящим, что затраты от доверия превышают потенциальную выгоду [28].

Пьер Пеллегрин в пленарном докладе «Траектории смысла в пространстве и времени» размышлял над процессом появления смыслов. Этот процесс идет от ощущения к интерпретации, от идеи к действию, от языка к речи. Пространство объективирует смысл, придавая ему форму. В пространстве всегда есть пустые места, которые можно заполнить, и позиции, которые можно занять. Время субъективно, оно имеет длительность, которой свойственна фракционная или непрерывная природа, оно связано с потоком непрерывных впечатлений, которые нужно удержать или отпустить. Парадоксально, но разрывы во времени и в пространстве позволяют сохранить их смысл. С точки зрения семиотического анализа, необходимо определить в формах пространства и времени порядок (синтактика), ценности (семантика) и возможности использования (прагматика) смыслов. В этом контексте следует рассматривать модальность объектов, сложность и взаимодополняемость исследовательских подходов, а также относительность точки зрения субъекта семиозиса [29, с. 219].

Мы находимся в ситуации, когда образно структурированные репрезентации, находящиеся на дистанционном удалении от реальных событий, приобретают цифровое выражение с возможностью множественных значений-интерпретаций, что влечет за собой изменения в «порядке дискурса» и в отношениях между порядками дискурса; изменения в семиозисе являются прекурсорами социального изменения — например, сеть жанровых форм выступает предварительным условием «глобализации», если понимать последнюю как расширение возможностей дистанцированного действия и спатальное «растягивание» отношений власти [30, р. 5], которое реконфигурирует семиозис пространственно-временного измерения политического действия.

Заключение

Человек создает среду, делегируя ей часть своих полномочий в знаковом выражении (на материальных носителях, ценностных символических значениях действий, через кодовые трансформеры языков перевода и др.), затем эта среда может развиваться по собственным законам, находящимся за пределами нашего непосредственного понимания и контроля. Мы сохраняем способность быть самими собой, когда с открытыми, не зашоренными привычным глазами входим в лимитирующие ситуации. Здесь мы сталкиваемся с невыразимым, с пределами нашего понимания, с тем, что находится в тени непосредственного восприятия и контроля. Коммуникация цифровой эпохи вынуждает нас иметь дело с фрагментами, обрывками смыслов, субъект политического действия в таком случае возникает в качестве носителя терпения посреди непоследовательности и несовершенства всего происходящего. Нам необходимо признать, что молчания и срывы, границы и ограничения являются неизбежными и даже ценными основаниями опыта в цифровую эпоху. Всемирная сеть, как и весь мир, полна черных дыр, и это как теоретически, так и эмпирически приближает нас к антиномиям цифрового существования и приручает нас быть способными поддерживать взвешенную предосторожность в своих прокреативных действиях в среде.

Литература

1. Latour, B. and Woolgar, S. (1987), *Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts*, Princeton: Princeton University Press.
2. Bennett, J. (2010), *Vibrant Matter. A Political Ecology of Things*, Durham: Duke University Press.
3. Law, J. (2004), *After Method: Mess in Social Science Research*, Abingdon-on-Thames: Routledge.
4. Кошарная, Г. Б. (2016), Триангуляция как способ обеспечения валидности результатов эмпирического исследования, *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*, № 2 (38), с. 117–122.
5. Denzin, N. (1970), *The Research Act: A Theoretical Introduction to Sociological Methods*. Chicago: Aldine.
6. Lewontin, R. (2000), *The Triple Helix: Gene, Organism, and Environment*, Harvard: Harvard University Press.
7. Киященко, Л. П. (2010), Тройная спираль трансдисциплинарности в обществе знаний, *Знание. Понимание. Умение*, № 3, с. 67–74.
8. Киященко, Л. П. (2017), *Событие. Личность. Время (К философии трансдисциплинарности)*, М.: ИФ РАН.
9. Nicolescu, B. (2007), Transdisciplinarity as Methodological Framework for Going Beyond the Science-Religion Debate, *Transdisciplinarity in Science and Religion*, no. 2, pp. 35–60.
10. King, L. Why is Separation of the Three Helices Important? *The Institute for Triple Helix Innovation*. URL: <http://www.triplehelixinstitute.org/?q=node/178> (дата обращения: 17.08.2021).
11. Hirschman, A. (1970), *Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States*, Harvard: Harvard University Press.
12. Delanda, M. (2006), *A New Philosophy of Society. Assemblage Theory and Social Complexity*, London: Bloomsbury Publishing.
13. Kaun, A. et al. (2016), Political Agency at the Digital Crossroads?, *Media and Communication*, vol. 4, is. 4, pp. 1–7.
14. Häkli, J. and Kallio, K. (2013), Subject, action and polis, *Progress in Human Geography*, vol. 38(2), pp. 181–200.
15. Emirbayer, M., Mische, A. (1998), What is Agency? *American Journal of Sociology*, vol. 103, no. 4, pp. 962–1023.
16. Перег Ё. (2016), *Невозможное и совпадение: о революционной ситуации в философии*, Пермь: Гиле Пресс.
17. Brown, B. (2015), *Daring Greatly*, Penguin Random House.
18. Shaviro, S. (2012), *Without Criteria: Kant, Whitehead, Deleuze, and Aesthetics*, Cambridge: The MIT Press.
19. Голосовкер, Я. Э. (1987), *Логика мифа*, М.: Наука.
20. Byrne, R. (2005), *The Rational Imagination. How People Create Alternatives to Reality*, Cambridge: The MIT Press.
21. *Философия науки: Синергетика реальности человеческого измерения* (2002), отв. ред. Аршинов, В. И., Киященко, Л. П. и Тищенко, П. Д., М.: ИФРАН.
22. Киященко, Л. П. (2009), *Философия трансдисциплинарности*, М.: ИФРАН.
23. Кант, И. (1966), *Сочинения: в 6 т.*, общ. ред. Асмус, В. Ф., Гулыга, А. В. и Ойзерман, Т. И., М.: Мысль, т. 5.
24. Порус, В. Н. (1996), Парадоксы научной рациональности и этики, в: *Научные и вненаучные формы мышления*, М.: ИФ РАН, с. 168–185.
25. Бразговская, Е. Е. (2008), *Языки и коды. Введение в семиотику культуры*, Пермь: Изд-во ПГПУ.
26. Kahneman, D. (2013), *Thinking, Fast and Slow*, New York: Farrar, Straus and Giroux.
27. Tomz, M. (2012), *Reputation and International Cooperation: Sovereign Debt across Three Centuries*, Princeton: Princeton University Press.
28. Luhmann, N. (2017), *Trust and Power*, Cambridge: Polity.
29. Лавренова, О. А. (2020), *Секция семиотики пространства на XIV Всемирном семиотическом конгрессе. Обзор*, М.: ИНИОН РАН.
30. Fairclough, N. (2010), *Critical discourse analysis*, Abingdon-on-Thames: Routledge.

Контактная информация:

Киященко Лариса Павловна — д-р филос. наук, вед. науч. сотр.; larisakiyashchenko@gmail.com
Голофаст Анастасия Витальевна — канд. полит. наук; golofastav@atiso.ru

Semiosis of Political Action

L. P. Kiyashchenko¹, A. V. Golofast²

¹ Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences,
12, ul. Goncharnaya, Moscow, 109004, Russian Federation.

² Academy of Labor and Social Relations,
90, ul. Lobachevskogo, Moscow, 119454, Russian Federation

For citation: Kiyashchenko L. P., Golofast A. V. Semiosis of Political Action. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2023, vol. 39, issue 3, pp. 531–543.
<https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.310> (In Russian)

Aristotle, calling man “political by nature,” predetermined the actual opportunity to consider politics through the prism of practical action, through specific ways of equitable arrangement of public life. Thrown into a digital existence, where the ambivalent task of realizing one’s vulnerable position arises, exposing oneself to risk, while simultaneously navigating the indefinite space of a dynamically developing community. The modern territory of politics is being mastered by actants with the help of a renewed arsenal of means, taking into account the meaning of design (*de + signare*), the signs of which acquire multiplication of ideas about complexly organized integrity of its image. Integration ties of semiosis “sew through” the heterotopy of the renewed territory of political action, putting down the chronological framework of events in sign expression (index, symbol, code, number), to compare and supplement possible transformational semiotic shifts and confusions, thus creating a plausible and recognizable semiotic image of the current state of affairs in society. Semiotic representation emphasizes the sign, symbolic nature of political action as a political event, realized by its subject in the process of normogenesis and anchored in the pragmatics of everyday activity. Conditional analytical dismemberment of the process of semiosis (syntactics, semantics, pragmatics) of political action initiates the synchronization of methodological synthesis, which leads to the co-creation of the subject and structure at the level of reflective analysis. This allows us to add the “included third”, traditional for the transdisciplinary methodological approach, into the agent-structure dichotomy, which is classic for the science of politics, serving as a target reason for creating integral image of political action. It should be noted that the “included third” as the target cause does not guarantee the unambiguity of the outcome of the formation of the specified action, but only adjusts the optics of tracking its possible configurations, taking into account both contextual and environmental conditionality.

Keywords: procreation, replication, reproduction, semiosis, included third, political action, transdisciplinarity, digitalization.

References

1. Latour, B. and Woolgar, S. (1987), *Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts*, Princeton: Princeton University Press.
2. Bennett, J. (2010), *Vibrant Matter. A Political Ecology of Things*, Durham: Duke University Press.
3. Law, J. (2004), *After Method: Mess in Social Science Research*, Abingdon-on-Thames: Routledge.

4. Kosharnaya, G.B. (2016), Triangulation as a way to ensure the validity of empiric research results, *University proceedings. Volga region. Social sciences*, no. 2 (38), pp. 117–122 (In Russian)
5. Denzin, N. (1970), *The Research Act: A Theoretical Introduction to Sociological Methods*. Chicago: Aldine.
6. Lewontin, R. (2000), *The Triple Helix: Gene, Organism, and Environment*, Harvard: Harvard University Press.
7. Kiyashchenko L. P. (2010), Triple Helix of Transdisciplinarity in the Society of Knowledge, *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 3, pp. 67–74. (In Russian)
8. Kiiashchenko L. P. (2017), *Event. Personality. Time (Towards the Philosophy of Transdisciplinarity)*, Moscow: IP RAS Publ.
9. Nicolescu, B. (2007), Transdisciplinarity as Methodological Framework for Going Beyond the Science-Religion Debate, *Transdisciplinarity in Science and Religion*, no. 2, pp. 35–60.
10. King, L. Why is Separation of the Three Helices Important? *The Institute for Triple Helix Innovation*. Available at: <http://www.triplehelixinstitute.org/?q=node/178> (accessed: 17.08.2021).
11. Hirschman, A. (1970), *Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States*, Harvard: Harvard University Press.
12. Delanda, M. (2006), *A New Philosophy of Society. Assemblage Theory and Social Complexity*, London: Bloomsbury Publishing.
13. Kaun, A. et al. (2016), Political Agency at the Digital Crossroads?, *Media and Communication*, vol. 4, is. 4, pp. 1–7.
14. Häkli, J. and Kallio, K. (2013), Subject, action and polis, *Progress in Human Geography*, vol. 38(2), pp. 181–200.
15. Emirbayer, M. and Mische, A. (1998), What is Agency?, *American Journal of Sociology*, vol. 103, no. 4, pp. 962–1023.
16. Regev, J. (2016), *The Impossible and coincidence: on the Revolutionary situation in philosophy*, Perm: Gile Press Publ. (In Russian)
17. Brown, B. (2015), *Daring Greatly*. Penguin Random House.
18. Shaviro, S. (2012), *Without Criteria: Kant, Whitehead, Deleuze, and Aesthetics*, Cambridge: The MIT Press.
19. Golosovker, Ya. E. (1987), *Logic of Myth*, Moscow: Nauka Publ. (In Russian)
20. Byrne, R. (2005), *The Rational Imagination. How People Create Alternatives to Reality*, Cambridge: The MIT Press.
21. *Philosophy of science. Synergetics of human-dimensional reality* (2002), ed. by Arshinov, V.I., Kiiashchenko, L. P. and Tishchenko, P.D., Moscow: IPH RAS Publ. (In Russian)
22. Kiiashchenko, L. P. (2009), *Philosophy of transdisciplinarity*, Moscow: IPH RAS Publ. (In Russian)
23. Kant, I. (1966), *Selected works, in 6 vols.*, Moscow: Mys' Publ., vol. 5. (In Russian)
24. Porus, V.N. (1996), Paradoxes of scientific rationality and ethics, in: *Scientific and non-scientific forms of thinking*, Moscow: IPH RAS Publ., pp. 168–185. (In Russian)
25. Brazgovskaya E.E. (2008), *Languages and codes. Introduction to semiotics of culture*, Perm: Perm University Press. (In Russian)
26. Kahneman, D. (2013), *Thinking, Fast and Slow*. New York: Farrar, Straus and Giroux.
27. Tomz, M. (2012), *Reputation and International Cooperation: Sovereign Debt across Three Centuries*. Princeton: Princeton University Press.
28. Luhmann, N. (2017), *Trust and Power*, Cambridge: Polity.
29. Lavrenova, O. A. (2020), *Section of space semiotics at the XIV International Semiotic congress. A Review*. Moscow: INION RAN Publ. (In Russian)
30. Fairclough, N. (2010), *Critical discourse analysis*, Abingdon-on-Thames: Routledge.

Received: September 6, 2021

Accepted: April 15, 2023

Authors' information:

Larisa P. Kiyashchenko — PhD in Philosophy; larisakiyashchenko@gmail.com

Anastasia V. Golofast — Dr. Sci. of Political Sciences; golofastav@atiso.ru